

Ментальная лексика, когнитивная лингвистика

и антропоцентричность языка*

Н.К.Рябцева

Институт языкоznания РАН

nadia@iling.msk.su

когнитивная лингвистика, “субъектная” лексика, антропоцентричность языка

принцип наглядности в языке, естественный интеллект

Как известно, когнитивная лингвистика – это новое направление в западном языкоznании, отличающееся тем, что оно по сути единственное, из всех других западных школ, сближается с традициями отечественной семантики [Рахилина 1999, 36]. Тем не менее, ни в западной лингвистике, ни в отечественной, нет общепринятого определения того, что следует считать “когнитивным” в языке и лингвистике. В результате многие из “когнитивных” лингвистических исследований таковыми не являются, а многие семантические исследования, не ставя перед собой собственно когнитивных задач, по существу выполняют именно их (см. [Апресян 1974; 1995; 1995а; 1999; Арутюнова 1999; Булыгина, Шмелев 1997; Левонтина 1995] и др.).

В то же время, анализ собственно когнитивных исследований и их результатов, а также недавно появившихся многочисленных их обзоров (с подробной и обширной библиографией; см. например, [Сергеев 1987; Kirkeby 1994; Ungerer, Schmid 1996; Кубрякова и др. 1996; Рахилина 1998; Cienki 1995; Ченки 1997; Crane, Richardson 1999]), показывает, что, несмотря на всю их разнородность и внешнюю несовместимость, в них действительно наблюдается нечто общее и объединяющее, причем в явном виде не всегда и не всеми авторами признаваемое. Это – антропоцентричность языка, точнее – заложенных в языке практических, теоретических и культурных знаний и опыта, освоенных, осмысливших и прямо или косвенно вербализованных носителями языка, и восстановимых в конечном счете – в результате семантического и концептуального анализа – в виде языковой картины мира.

И действительно, теория прототипов и категориальная семантика Э.Рош, теория концептуальной метафоры и структурирования непредметного мира Дж.Лакоффа–М.Джонсона, теория этнокультурной семантики ключевых культурных концептов А.Вежбицкой, теория структурирования пространства и фенообразования Л.Талми, “ролевая” когнитивная грамматика Р.Лангакера, “грамматика конструкций” Ч.Филлмора, теория языковой лабильности предметных имен Е.В.Рахилиной, наивная телеология И.Б.Левонтиной и мн. др., – по существу вскрывают одно и то же. Это связь знаний, заложенных в языке, с субъектом восприятия, познания, мышления, поведения и практической деятельности; пре-ломление реального мира – его видения, понимания и структурирования – в сознании субъ-

екта и фиксирование его в языке в виде субъектно (и этнически) ориентированных понятий, представлений, образов, концептов и моделей. В результате лексическая и грамматическая семантика языка оказываются осмысленными и мотивированными, а не произвольными; естественными, удобными и “здравыми”, а не строго логичными, формальными и искусственными; адекватными мышлению человека, объяснимыми, а не вычислимими автоматически; глубинно и системно связанными, согласованными и взаимодействующими, а не случайно и хаотически сосуществующими, и пр.

В этой связи особую роль в анализе антропоцентричности языка должна играть “ментальная лексика” – описывающая собственно интеллектуальную сферу человека. Какой вклад может внести ее изучение в общую “когнитивную картину” языка? Во что превращается традиционная проблема соотношения языка и мышления в когнитивном аспекте?

Так, в языке зафиксирована прямая связь восприятия и ментальных состояний и процессов, ср. в словах *слышится угроза* (‘можно распознать’), *пахнетссорой*, *чуемоядуша, горькое признание, теплые пожелания* и мн. др. Это показывает, что восприятие: зрение, слух, обоняние, осязание, вкус – не самостоятельные и не независимые процедуры, выполняемые автономными “органами”, просто “передающими сигналы в мозг”, а гораздо больше. Это внешний выход мозга, его неотъемлемая часть, неотторжимая собственность, неотделимая принадлежность, источник “перцептивного знания и опыта” (причем независимо от того, осознаются они или нет), условие распознавания, осознания, понимания и интерпретации происходящих в мире событий. Что, в свою очередь, позволяет перцептивной лексике, точнее, вынуждает ее, развивать эпистемические смыслы, ср. также *не видеть смысла, прояснить ситуацию, прислушаться к ч.л. мнению, чувствовать доброе отношение* и т.п. Иными словами, информация, которую мозг получает благодаря восприятию – материал для его работы, “сырец”, исходный продукт, без которого ему не зачем и не с чем работать, без которых он не был бы мозгом.

При этом главную роль в восприятии внешнего мира, в практической (и теоретической) деятельности человека, во всем, что он делает, играет зрение, зрительное восприятие. Оно важно до такой степени, что естественный язык, естественный интеллект и человеческий менталитет можно назвать “ориентированными на наглядность”, “visually oriented”, “перцептивно мотивированными”. Осознание этого факта позволяет более определенно интерпретировать многие явления в языке. При этом важны следующие обстоятельства.

Зрение – главный ориентир человека в мире, а зрительная информация – главная из всех ее видов, ср. *Seeing is believing*; Лучше один раз увидеть... Зрительная информация обрабатывается мозгом быстро (точнее, моментально, “сразу”), в основном на подсознательном уровне (в норме не требует специальных умственных усилий и рефлексии, более того, происходит нередко даже как бы помимо или наперекор воле человека, ср. *глаза бы мои не видели*), объемно, целостно и многоаспектно: человек воспринимает предъявляемый ему предмет одновременно во всех его внешних “измерениях”, проявлениях и отношениях: его форму, размеры, цвет, фактуру, вес, положение, расположение, строение, фон, сопряженные предметы и их взаимосвязь и пр. Соответствия этому явлению находятся и в языке, в частности, в принципах языковой мереологии (объясняющих, почему мы не говорим **высокая тарелка, *короткое озеро* и мн. др. [Рахилина 1999, 18]).

Далее, “ситуация зрительного восприятия” не сводится только к понятиям “видеть” и его производным, она охватывает чрезвычайно большую сферу разнообразных физических явлений: свет, цвет, (о)краску, размеры, форму, количество, пространство, расстояние, перспективу, положение наблюдателя (ср. *до, после, перед, сзади, над, под*), состояние среды, через которую воспринимается предмет (ср. *туман, облачность, пелена, завеса* –

ясный, четкий, яркий), наличие препятствий (загораживать, скрывать, прикрывать), силу и состояние зрительной способности (близорукий, дальтоник, бельмо на глазу, не видеть дальше своего носа), а также идентификацию, сравнение и различие самих физических предметов, действий и явлений.

Важно, что знания о мире, полученные зрителем (и вообще перцептивным) путем, принципиально отличаются от знаний, полученных дискурсивно: в процессе обучения, чтения, слушания лекций, общения и пр. (ср. знать как vs. знать, что), хотя бы уже тем, что не нуждаются в явной вербализации. Вопрос этот почти не изучен. Ясно только, что благодаря им человек обладает ориентацией, координацией, свободно двигается, действует, соизмеряет свои усилия с обстановкой и т.д. В лингвистическом отношении соответствующая проблема может быть, видимо, сформулирована как выявление способов фиксации и выражения в языке недискурсивных знаний, основанных на перцептивном опыте. Ценную информацию здесь дают предлоги, падежи и наречия, а также, как и во всех других вопросах, – фразеология. В когнитивной лингвистике данный вопрос может быть сформулирован в виде сопоставления дискурсивных и недискурсивных фоновых знаний, извлекаемых из языка и способных им передаваться – в виде презумпций, импликаций, коннотаций и др.

И, наконец, зрение не только самый главный источник информации для человека, но и самый надежный способ ее верификации. Увидеть значит (у)знать, поверить, понять, убедиться, удостовериться, получить доказательства, свидетельства, подтверждения и т.п. Видел (картину), но не знаю (что на ней изображено) – ситуация в норме противоестественная, также, как и не верь глазам своим; а увидим, посмотрим, покажем, рассмотрим – самые надежные ментальные операции-доказательства. Достаточно сказать, что большинство слов и выражений, описывающих ментальную сферу человека, “произошло” от лексики, описывающей зрительное восприятие, точнее, работа мозга концептуализируется в языке по образу и подобию работы зрения; есть даже выражение мысленный взор, ср. прозреть, изменить взгляд на жизнь, ясно помнить, ориентироваться на местности vs. в искусстве/ политике, в свете последних событий ‘с учетом’; след – следовать – исследовать (проблему); смотр – рассматривать (вопрос) и мн.др. Все эти обстоятельства (и ряд других) объясняют, почему “принцип наглядности” является главным не только во всех видах деятельности, но и, совершенно естественно, в семантической и даже грамматической организации языка.

“Принцип наглядности” в языке заключается в “опредмечивании” непредметных сущностей – событийных, психологических, ментальных и социальных, в их концептуализации – способе описания – по образу и подобию (восприятия) предметного мира. В результате действия этого самого мощного семантического механизма язык развивает дополнительные, переносные, метафорические и метонимические значения, формирует устойчивые, связанные, идиоматические и фразеологические выражения и обороты, накладывает ограничения на лексическую и грамматическую сочетаемость, использует пространственные предлоги при описании всех непространственных отношений и т.д.; при этом окружающий человека мир аксиологизируется, символизируется и психологизируется, а внутренний мир параметризуется и объективируется. Язык становится воплощением практического опыта человека, отражает национальную специфику представлений о мире своих носителей и в конечном счете запечатлевает их культурное своеобразие – в виде языковой картины мира. При этом сам язык приобретает уникальнейшие свойства: способность к самоорганизации, саморазвитию и самоконтролю; он становится мотивирован и потому предсказуем, объясним, воспроизведим – так, что владение родным языком становится автоматическим, простым и естественным явлением, тогда как изучение чужого языка – сознательной и тяжелой работой. Подробнее см. [Рябцева 1990; 1997; 1999; 1999а; 2000].

Иллюстрация. С-вид-ательством к сказанному служит особая ментальная “ситуация обмана”, которая подробно, дифференцированно, детально – и ярко, выразительно и колоритно – представлена в языке именно в наглядных образах, связанных со зрительным восприятием,

и передаваемых переносными значениями слов, фразеологическими и устойчивыми оборотами, рисующими ее как: (1) физическое скрытие (правды, истинных намерений или действий) от наблюдения, ср. скрыться, притаиться – скрытность, скрытие/ утаивание правды/ фактов, держать в тайне, облечь тайной, скрытый смысл/ угроза/ насмешка, по-тайной ход vs. пружина, закулисные переговоры/ игры “тайные, скрываемые”, кухня “скрытая сторона деятельности”, вуалировать свои намерения, прикрываться добрыми намерениями, затаить злобу, точить зуб, носить камень за пазухой, действовать изподтишка, замести следы, хоронить/ прятать концы (в воду), концов не найти, подсунуть кота в мешке, под благо-вид-ным предлогом и т.п.; (2) наблюдаемые “деформации” объекта воздействия (– другого человека) или “неординарные” физические действия с ним (позволяющие склонить его к выгодному для себя состоянию и поведению), ср. надуть, нагреть, облапошить, провести, обвести вокруг пальца, заговаривать зубы, морочить голову, пудрить мозги, втирать очки, вешать лапшу на уши, водить за нос, натянуть нос, грузить, заливать, наплести с три короба или семь верст до небес, втираться в доверие, ввязываться/ втягиваться в свое дело, кормить обещаниями, заманить/ завлечь в свои сети/ в ловушку, играть в кошки-мышки/ на чужих интересах, валить с большой головы на здоровую, вешать собак, возводить напраслину, бросать камень в чужой огород, подлавливать на слове и пр.; (3) ловкие движения, сопровождающееся разнообразными манипуляциями: жонглировать фактами “ловко, но произвольно обращаться”, переворачивать факты с ног на голову, извратить факты/ смысл/ истину, подтасовать (карты vs. факты), позволяющими исказить (утирать) или утаить истинные размеры явления, в частности, преуменьшить (хорошее) или преувеличить (плохое, например, чтобы запугать или запутать): умалить/ принизить достоинства (произведения), намеренно запутывать (вопрос); делать из муhi слона и др.; (4) движение (действия в пространстве) “по кривой” (ср. кривить душой, кривотолки, исказить смысл слов, ввести в заблуждение (ср. заблудиться), уклониться от прямого ответа,ходить вокруг да около, выведать окольным путем), ловко обходящее препятствия-неприятности и скрывающее свою истинную цель, ср. лавировать, маневрировать, юлить, запираться, найти лазейку, вывернуться; (5) создание искусственных преград и разного рода помех: для отвода глаз, напустить туману, пускать дым/ пыль в глаза, мутить воду, устраивать подвохи, плести интриги, перейти дорогу, подставить ножку, катить бочку,копать другому яму, вставлять палки в колеса, смешать карты, вбить клин, насолить и др.; (6) манипулирование с цветом и светом, ср. приукрасить vs. рассказывать без прикрас, сгустить краски, чернить, пачкать ч.-л. доброе имя, облизать грязью, смешать с грязью/ втоптать в грязь, нечистая игра, нечист на руку; темнить, теневая экономика.

Анализ роли зрительного восприятия в жизни, ментальной сфере и в языке показывает, что восприятие нельзя считать “наиболее автономным” из всех систем человека (ср. [Апресян 1995, 47]), скорее, наоборот. При этом воспринимать, ощущать, видеть и т.п. имплицируют ‘осознавать/ понимать/ различать’ и пр.

Замечание. Как известно, проблема моделирования зрительного восприятия в системах ИИ получила название “Распознавание образов”, а ее решение столкнулось с громадными трудностями, вызванными тем, что самая простая для человека операция – увидеть и тут же распознать (идентифицировать) предъявляемый предмет, часто даже не осознавая это, – оказывается предельно сложной при ее экспликации и формализации.

Что касается взаимодействия эмоциональных и ментальных состояний, то оно вскрывается в многочисленных семантических и лексикографических исследованиях, посвященных толкованию предикатов и имен эмоций (см. [Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. 1993] с

последующей библиографией). Ср. толкование слова *страх*, в котором выделены ментальные компоненты: *Страх X-а перед Y-ом* (*Он испытывал страх перед будущим*) = ‘неприятное чувство, вызванное у X-а Y-ом; такое чувство бывает, когда кто-то воспринимает или представляет нечто, что он оценивает или ощущает как очень опасное для себя…’ [Апресян 1995а, 463]. В связи с этим можно выдвинуть гипотезу о том, что данная ситуация “обратима”: не только эмоциональные состояния подразумевают и включают ментальные процессы и состояния, но и наоборот, ментальные процессы, состояния и действия чаще всего сопровождаются определенными эмоциональными состояниями. Так, строя планы, человек надеется, что они осуществимы; вспоминая некоторое событие из прошлого, человек заново переживает те ощущения, которые он тогда испытывал и пр. Тот факт, что в норме человек не может не пребывать одновременно и в некотором эмоциональном, и ментальном состоянии, подтверждается целым рядом языковых фактов, в частности, тем, что в процессе распознавания, идентификации, номинации и характеризации некоторого явления и события человек одновременно его квалифицирует, оценивает, формирует и выражает к нему отношение, ср. элементарные примеры типа *разведчик vs. шпион, пособник vs. сподвижник, военное присутствие vs. агрессия* и пр.

Аналогично и относительно глаголов речи, которые, как известно, явно или неявно включают в свое значение ментальные компоненты, причем чаще всего сразу несколько (см. [Гловинская 1993]). Здесь интересно то, что, во-первых, глаголы речи теснейшим образом связаны с лексикой, которую условно можно назвать “социальной”, ср. *командовать, приказывать, помиловать* и мн. др. Во-вторых, и та, и другая не просто включают в свой состав несколько ментальных компонентов, но часто сочетают такие компоненты, которые в современной философской, логической и лингвистической традиции принято противопоставлять. Это в первую очередь знание и мнение, которые на практике оказываются неотделимыми и “неразличимыми”, точнее, их разграничение как бы становится в определенной степени нерелевантным: и то, и другое играет одинаково важную роль в принятии решений и в поступках.

Вообще, опуская дальнейшие детали и аргументы, можно сказать, что анализ ментальной и связанной с ней лексики показывает, что ментальная сфера человека задается (порождается, организуется, упорядочивается) следующими противопоставлениями: идентификация (зрительное узнавание) – отношение (реакция), знание – мнение, факт – оценка, память – воображение, и др. При этом все они оказываются неотделимыми, синтетически и интегрально связанными как между собой, так и с внутренними состояниями субъекта, его намерениями и поступками, действиями и переживаниями. Из этого, возможно несколько тривиального, наблюдения выводится целый ряд нетривиальных следствий, релевантных как для проблем искусственного интеллекта, так и когнитивной лингвистики, для которых оно выступает связующим конструктивным звеном.

Литература

Апресян В.Ю., Апресян Ю.Д. Метафора в семантическом представлении эмоций // ВЯ, 1993, № 3.

Апресян Ю.Д. Лексическая семантика: Синонимические средства языка. М., Наука, 1974.

Апресян Ю.Д. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // ВЯ, 1995, № 1.

Апресян Ю.Д. Избранные труды. М., “ЯРК”, 1995а. Т. 2: Интегральное описание языка и системная лексикография.

Апресян Ю.Д. Отечественная теоретическая семантика в конце XX столетия // Известия РАН. СЛЯ, 1999, № 4.

Арутюнова Н.Д. Язык и мир человека. М., “ЯРК”, 1999.

Булыгина Т.В., Шмелев А.Д. Языковая концептуализация мира (на материале русской грамматики). М., “ЯРК”, 1997.

Гловинская М.Я. Семантика глаголов речи с точки зрения теории речевых актов // Русский язык в его функционировании. Коммуникативно-прагматический аспект. М., Наука, 1993.

Левонтина И.Б. Целевые слова и наивная телеология. АКД., М., 1995.

Кубрякова Е.С., Демьянков В.З., Панкрац Ю.Г.Б Лузина Л.Г. Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1996.

Рахилина Е.В. Когнитивная семантика: персоналии, идеи, результаты // Семиотика и информатика. М., 1998, вып. 36.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: от сочетаемости к семантике. АДД, М., 1999.

Рябцева Н.К. “Донаучные” научные образы // Логический анализ языка: Противоречивость и аномальность текста. М., Наука, 1990.

Рябцева Н.К. Теория и практика перевода: Когнитивный аспект // Перевод и коммуникация. М., ИЯз РАН, 1997.

Рябцева Н.К. Контрастивная фразеология в культурном и межъязыковом аспекте // Актуальные проблемы межкультурной коммуникации. Сб. научных трудов. М., МГЛУ, 1999, вып. 444.

Рябцева Н.К. Научная речь, научный стиль и Словарь-справочник. Послесловие // *Рябцева Н.К.* Научная речь на английском языке. Новый словарь-справочник активного типа. М., 1999а.

Рябцева Н.К. Размер и количество в языковой картине мира // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000.

Сергеев В.М. Когнитивные методы в социальных исследованиях. // Язык и моделирование социального взаимодействия. М., Прогресс, 1987.

Ченки А. Семантика в когнитивной лингвистике // *Кибрик А.А. и др.* (отв. ред.) Фундаментальные направления современной американской лингвистики. Сб. обзоров. М., МГУ, 1997.

Cienki A. 19th and 20th Century Theories of Case: A Comparison of Localist and Cognitive Approaches // Historiographia Linguistica, 1995, N. 22.

Crane M, Richardson A. Literary studies and cognitive science: Toward a new interdisciplinarity // Mosaic: A Journal for the Interdisciplinary Study of Literature; Winnipeg; Jun 1999, v. 32, N. 2.

Kirkeby O.F. Cognitive sciences // Asher (ed.). The Encyclopedia of Language and Linguistics. Pergamon, 1994, v. 2.

Ungerer F., Schmid H.-J. An Introduction to Cognitive Linguistics. L., N.-Y., Longman, 1996.

* Работа выполнена при финансовой поддержке Фонда “Открытое общество”, проект Research Support Scheme, грант № 462/1999.